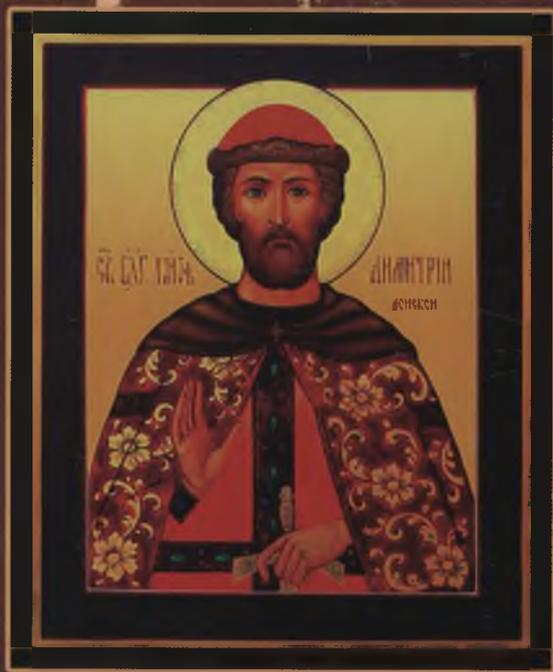

ПРАВОСЛАВИЕ • ТРАДИЦИИ • ЛЮДИ

Р.А. Балакшин

СВЯТОЙ КНЯЗЬ
ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

ОТ АВТОРА

И свет во тьме светит.

И тьма не объяла его.

Ин. 1: 5

Жизнь писателя иногда бывает так же интересна и непредсказуема, как роман. Ну если не роман, то хотя бы рассказ. Я только что закончил книгу о вологодских губернаторах, правивших Вологодской губернией со времен Екатерининской реформы до 1917 года, и, довольный законченной работой, приехал в Москву, где мне неожиданно предложили написать книгу о Дмитрие Донском. Писатели от века не слишком избалованы заказами, а в нынешние времена в особенности. Чаще всего они пишут, что им интересно, а потом ходят и с нервными переживаниями пристраивают свою рукопись. А тут ничего пристраивать не надо, только пиши. Я, конечно, с радостью согласился. Да что тут говорить: лестно писать о народном герое, имя которого народ помнит седьмое столетие.

Взволнованный, я вышел из редакции. Остановился и оцепенел на крыльце. Волна оторопи, какого-то ужаса окатила меня.

Надо мной и вокруг меня шумела Москва, катились ряды машин, куда-то шли беспечные, не отягощённые ни-

какими думами и впопыхах данными обещаниями люди.

«Боже мой, — громоздились в голове моей панические мысли. — Что я наделал? Ведь я ничего не знаю о Дмитрие Донском, кроме того, что он победил Мамаю, а потом пережил трагедию нашествия Тохтамыша, когда улицы Москвы не в переносном, а в буквальном смысле были залиты кровью. Кругом дымились развалины любимой столицы, на укрепление и украшение которой он отдал столько труда, а князь ходил по лепёшкам застывшей крови, среди неубранных трупов и рыдал. И ведь наверняка о Дмитрии и о той эпохе написаны горы книг, я же ничего, ничегошеньки не знаю!»

Никогда я не думал и не мечтал писать что-либо о Дмитрии Донском. Писательские мои интересы лежат в современной жизни, только иногда углубляясь в близкий и знакомый век XIX (там Пушкин, Лермонтов и Гоголь). Но XIV век был так далёк от меня, да и я от него тоже. Для меня он был как неведомый Великий океан для Магеллана. Отправляясь в плавание, урюмый Фернан что-то слышал об океане, но так смутно, глухо... Таким же неведомым, таинственным был для меня XIV век.

Вернуться и отказаться я не мог. «Русские в плен не сдаются», — хорохорился я потом перед друзьями в Вологде. Это — во-первых. Во-вторых, взялся за гуж... И, в-третьих, интересно же, что из всего этого получится.

Вечером того же дня я уезжал домой. За окном привычно мелькали подмосковные станции. Вот и Лавра: колокольня с причудливой золотой раковиной на вер-

хушке — дань манерного XVIII века, большие главы Успенского собора, режущий своим силуэтом надвигающиеся сумерки, как корабль, Сергиевский храм и совсем незаметный, невидимый из вагона, скромный Троицкий собор, где почивают драгоценные мощи всея России чудотворца преподобного Сергия.

Нередко бывал я тут — и на службах, и на братских молебнах, в академической библиотеке, в издательском отделе. Бывал я в Лавре не раз, но сегодня что-то иное, более тёплое и сердечное почувствовал я к святой обители. Ведь сюда, когда это был совсем малый монастырёк и всё тут было деревянным: и ограда, и церкви, и сама келья великого игумена, — сюда в раздумьях, сомнениях и тревоге прибыл за советом и благословением на смертный бой князь Дмитрий Иванович, ещё не Донской. Прискакал он сюда с небольшой дружиной, а уехал с пополнением: двух иноков дал ему мудрый настоятель, бывалых во времена оны бойцов: Пересвета и Ослябю.

Вагон слегка покачивается, в памяти всплывают хрестоматийные (не из «Родной речи» ли?) картины М. Авилова «Поединок Пересвета и Челубея», А. Бубнова «Утро на Куликовом поле», в стуче колёс выпеваются щемящие строки:

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мёртвым лечь!»

За вечеряющим окошком перед душевным взором моим в густеющих сумерках словно поредела и раздёрнулась туманная завеса, отделяющая ясный день от дня померкшего, настоящее от пережитого, и вот...

...Загремели бубны, тулумбасы, завизжали дудки, свирели. От монгольских рядов отделилась тень. Выхал ханский батыр помериться силой да удалью с русским витязем. Долго ждал он ответа на свой вызов. Переглядывались русские храбрецы друг с другом, но ратный строй их оставался недвижим. Громаден и ужасен монгол. Если бы не был он тут воочию, не поверить бы, что такие люди рождаются на земле.

Да, такой многих срубит в бою. Заплачут матери по убитым им сынам и на Клязьме-реке, и в Коломне, и далёком заволжском Белозерье.

Яр и злобен рослый конь под монголом, под стать седоку. Выше и шире грудью обычных лошадей. Косит конь кровавым оком, роет каменным копытом землю, щерит жёлтые зубы-лопаты.

А монгол топчет конём поле Куликово, изрыгает брань, насмешки, хулит Господа и Пречистую Матерь Его.

Тогда-то дрогнул передний ряд русской рати и неспешным проездом направился к богохульнику русский поединщик. Полностью снаряжённый для боя, в правой руке держал он крепкое и длинное оглоблистое копье. Лишь одно выделяло его среди всех: когда он тронул коня на врага, из-под шлема зареяло на ветру чёрное крыло монашеской мантии. С того дня пролетело немало

времени, но и до сего дня историки и писатели рядят и судят, как выехал Пересвет на поединок: в боевом доспехе со шлемом-шишаком на голове или в одной монашеской одежде: в подряснике с крестом на груди и куколе на голове? Надо полагать, что выехал он всё же в доспехе. Лично ему победа была не нужна, как иноку, ему было безразлично, победит он или погибнет. Но как воин в прошлом, он прекрасно понимал значение поединка перед битвой. И хотя всё войско его видеть не могло, для воинов на краю правого и левого крыла он был крошечной, едва различимой фигуркой, но весть об исходе поединка мигом облетит всё войско. Он обязан сделать всё, чтобы победить. Велика сила молитвы, неборима вера в Божию справедливость. Но, если оратай будет только молиться, соха сама не пойдёт по полю, и поле останется невспаханым. Господь содействует трудящемуся и воюющему, а не бездельному.

Кто же собрал это войско, привёл сюда, расставил полки, определил командирам и каждому воину цель? Кто он, где? Вот он стоит, не в пламенно-красном княжеском плаще, не в позолоченной, украшенной накладными бляхами из золота и серебра кольчуге, голову его не венчает сверкающий на солнце позолотой шлем. Простая воинская кольчуга облегает его могучие, необъятные плечи, простой шлем надет на голову, от всего княжеского ратного прибора при нём только его надёжный спутник, верный товарищ боёв и схваток, беспощадный булатный меч.

Решение встать в общий строй пришло внезапно. Когда войска сойдутся, всякие команды потеряют смысл. Ещё никогда на Руси не ополчалось столько воинов. А когда все они закричат, сам себя не услышишь. Его место тут, среди всех. Уповать остаётся на милость Божию, на стойкость ратников и воевод, да на мудрость ратоборца Боброка. Да чтоб рука не устала....

Кто-то вошёл в купе, громко заговорил, видение помутило и исчезло.

Вагонная жизнь самовольно вломилась в мои думы пустыми разговорами, несносным вагонным радио, звяканьем чайных стаканов. И всё же успел я подумать, что в прежней России был хороший обычай добавлять к фамилии человека, свершившего великое дело, название той местности, где это произошло. Обычай хороший, да кто сейчас помнит, кроме преподавателей кафедр истории, что Г.А. Потёмкин ещё и князь Таврический, полководец И.И. Дибич именовался Забалканским, усмиритель поляков И.Ф. Паскевич — Эриванским и Варшавским, и даже народного любимца никто не величает Суворовым-Рымникским. А ведь были ещё: П.А. Румянцев-Задунайский, А.Г. Орлов-Чесменский, Н.Н. Муравьёв-Амурский и Н.Н. Муравьёв-Карский и много других славных сынов России.

И только два человека сохранили на века это почётное прибавление, только эти двое живут в душе народа как Александр Невский и Дмитрий Донской.

Я приехал в Вологду и сразу же пошёл в областную библиотеку. Я заново перечитал «Магеллана» С. Цвейга, пытаясь найти ключик к древности. Ведь век Дмитрия и век Фернана не так уж далеко отстоят на лестнице великих деяний, по которой прошло человечество. Я снова вникал в удивительную магию эпитафии к «Магеллану»: *Navigare necesse est, vivere non est necesse...*¹

Я пустился в плавание по океану под именем XIV век, я открывал новые для себя острова и архипелаги, маяками, путеводными указателями в этом плаваньи были для меня наши великие русские историки С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский, советские — М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков и В.В. Каргалов, В.А. Кучкин и И.Б. Греков. Я видел, как богата и как — увы! увы! — постыдно незнакома нам своя родная история.

Не раз я просыпался посреди ночи, и тот московский ужас опять окатывал меня, вновь немой вопрос «За что ты взялся?» вставал передо мной как огненные буквы.

Не раз я вспоминал бессмертное *Navigare necesse est...* и понимал, что изречение это приложимо к любой человеческой жизни. Долг перед Отечеством, перед народом превыше всего для каждого человека. Для писателя этот

¹ Гней Помпей должен быть доставить суда с хлебом в Рим. В море разразилась буря. Кормчий боялся отправиться в опасное плавание. Тогда Помпей приказал ему плыть и сказал эти слова: «Плывать по морю необходимо, жить не так необходимо».

девиз я сформулировал так: «Книги писать необходимо» — далее по тексту.

Так кем же был этот герой, полководец, народный заступник, верный супруг и любящий отец? Как жил этот человек, лучи жизни которого освещают нам сквозь мрак веков нашу будничную, непамятливую к великим людям жизнь? Если «Христос и вчера и сегодня тот же» (Евр. 13: 8), так и святые Его живут среди нас, просто мы не помним (или плохо помним) о них, отгораживаемся делами, бесплодной суетой. А Дмитрий Донской, вроде бы странно даже говорить это, не только забыт, но ещё и оболган. «Как это забыт, — возразят мне, — мы помним его, это он победил Мамаю на Куликовом поле, это он...» И далее наступает молчание. Потому что на этом наши знания о Дмитрие Донском заканчиваются. Прямо скажем, не густо. А именно за этим человеком на Куликово поле пришла Русь, а с поля ушла Россия. Умытая кровью, израненная, стенающая, но Россия. Россия победившая, ликующая... Этот человек создал первый каменный Кремль, он дважды отстраивал Москву, своими свершениями он положил один из крепчайших краеугольных камней в прочный фундамент нашего государства, благодаря чему оно и стоит, как несокрушимый утёс, вопреки всем войнам и революциям.

Нам никогда не достичь вершин деяний благоверного князя, никогда не подняться на ту высоту, на которую поднялся он, но мы должны знать о нём больше трех-четырёх строчек в школьном учебнике. И не о нём одном, если мы хотим выжить и сохраниться как великий народ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

Того же лета родился
князю Ивану Ивановичю сын Дмитрей,
месяца Октября в 12 день.

Никоновская летопись

12 октября 1350 года в Великом княжестве Московском произошло великое событие, впрочем, счастливо всколыхнувшее только одну семью. Тогда не было ещё ни газет, ни телеграфа, и по проводам во все концы России не побежали торопливые строчки о благополучном разрешении от бремени августейшей супруги Государя императора, великого князя Московского, Финляндского и прочее.

На дворе стоял не XIX железный век, когда все события, происходившие в царствующем доме (свадьбы, рождения, кончины), вскоре становились известными десяткам миллионов людей.

По правде говоря, и России как таковой ещё и не существовало. От Белого моря до причерноморских степей и от Пскова до Уральских предгорий разместилось несколько крупных русских княжеств, множество мелких и две республики. Этому лоскутному одеялу ещё только предстояло стать Россией.

Одним из тех, кто сделает для возникновения России необычайно много, был родившийся у звенигородского

князя Ивана Ивановича и супруги его княгини Александры Васильевны младенец. Его назвали в честь великого православного святого воина Дмитрия Солунского, в ту пору почитавшегося наравне с Георгием Победоносцем.

Святой воин Дмитрий Солунский особо прославился при отражении иноземных войск, напавших на его родной город Солунь (Фессалоники).

Младенец, лежавший в колыбельке в княжеском тереме, конечно, не знал, что в будущем и он станет великим князем, военачальником, полководцем, который посвятит свою недолгую жизнь борьбе с иноземным врагом, угнетавшим родную землю. Не знал он и того, что имя его станет символом воинской доблести и полководческого искусства русского народа. Его имя вспомнит в смертельный час опасности патриарший Местоблюститель митрополит Сергей, а 7 ноября 1941 года его имя назовёт глава государства, того государства, в котором долгое время слово «святой» бралось в кавычки.

Великая всенародная слава веет над уютной колыбелькой. Слава не фальшивая, купленная, слава-однодневка, а слава настоящая, заслуженная. Прочная, вековая.

Имя его со временем прозвучит на всю тогдашнюю Россию и ближнюю ойкумену. Более того, это имя будет звучать в России из века в век, оно станет одним из самых почитаемых русскими людьми имён.

Имя князя вспомнит в 1480 году его праправнук великий князь Иван III, давший на берегу Угры решительный отпор хану Ахмату, царь Иван Васильевич Грозный почти

через двести лет самого героического деяния князя назовёт его Донским.

Это имя будет парить орлом над победным русским воинством в последнем походе на Казань, оно незримо будет витать над ратями Минина и Пожарского, над полями Полтавы и Бородина.

А в 1980 году тысячи и тысячи людей сойдутся и съедутся на Куликово поле, чтобы помянуть снова и снова имя великого князя и полководца, шестьсот лет назад сделавшего первый шаг из неволи к свободе.

Когда-то, когда-то всё это будет!

А в октябре 1350 года ни отец, ни мать новорождённого дитяти не могли и мечтать о какой-то всенародной, вселенской славе своего сына.

Неоткуда было ожидать её, эту славу. Ни с какой стороны не могла она светить младенцу. Ведь родилось возлюбленное чадо в семье третьего сына великого князя Ивана, прозванного Калитой.

Московским княжеством правил в ту пору старший сын Калиты Симеон. Иван же Иванович был всего-навсего удельным звенигородским князем. Доля отца ожидала и Дмитрия, обычная доля быть подручным у великого князя; верным, храбрым, исполнительным соратником, помощником. Но не более того.

Подробности раннего детства великого князя нам не известны. Как, впрочем, и многих великих людей. По ребёнку не видно, что растёт великий человек, и поэтому детство большинства таких людей остаётся в

небрежении у родителей и современников. С годами всё забывается, и от детства ребёнка у родителей и родственников остаются в памяти три-четыре переиначенных им на детский лад слова, два-три эпизода, не больше. Обычая вести дневники, хранить первые рисунки детей, их забавные милые каракульки, не было, поэтому нам остаётся довольствоваться словами безымянного автора «Слова о житии Димитрия Иоанновича, царя Руськаго»:

«Воспитан же он был в благочестии и славе, с наставлениями душеполезными».

Обычно литературоведы и специалисты по древнерусской литературе объясняют такие характеристики детства великих людей как элементарной нехваткой сведений о детских годах святых угодников, так и неким трафаретом, который выработался у древних агиографов в процессе составления житий святых. Но отчего же не допустить другое: описания детства святых потому так схожи, что у святых было именно такое детство. Ведь у простых детей детство одинаково, где бы они ни жили — в Москве, в Вологде или во Владивостоке. Кто из детей не играл в прятки, в вершки, не гонял с друзьями мяч, не сражался на палках, не воровал яблоки в соседском саду. Но есть — их очень мало — серьёзные дети. Уже в детстве они ощущают в себе цель жизни, к чему следует идти и стремиться. Они пока не могут определённо уяснить себе эту цель, высказать её словами, но уже образом поведения отличаются от других детей, они не по возрасту задумчивы, сторонятся шумных и тем паче неприличных

забав. Да, таких детей мало, но святых ещё меньше, они большая редкость, как алмаз в глыбе породы. Думается, что и Дмитрий, предизбранный Богом для великой цели, был именно таким ребёнком.

Первое время младенец находился под присмотром дворовых нянюшек, исправно рос, у него пошли зубки, в урочное время он сел, пошёл крепенькими ножонками, и, быть может, как это бывает в доброй семейной жизни, счастливые родители шли рядом с ним, вслух считая его первые шажки.

Дмитрию исполнилось два с половиной года, когда в жизни его произошла решительная перемена, коренным образом изменившая всю его жизнь, о которой он по малолетству своему, конечно, не догадывался.

В ту роковую для великого князя Симеона Гордого весну на Руси объявилось моровое поветрие. Моровым поветрием, или наказанием Божиим, люди средневековой Руси называли эпидемию чумы. Эпидемии бывали столь опустошительны, что народ называл их повальными. Эти бедствия отмечены как в русских летописях, так и в хрониках западноевропейских государств. Случалось, вымирал целые селения. А города безлюдели чуть ли не наполовину, а то и больше. Как нашествия кочевников, так и эпидемии чумы приходили на русскую землю из Азии. В проклятых Богом, выжженных зноем чёрных пустынях зарождались носители этой болезни. С кочующими в поисках пищи грызунами, с караванами купцов бесшумно и невидимо чума проникала в густонаселённые местности.

От морового поветрия не могли защитить ни бдительная стража, ни крепкие и высокие стены. Болезнь не щадила ни скромного жилище землепашца, ни княжеских хором. Равно умирали простые люди и знатные.

Как ни хранились, как ни береглись, отгораживаясь от поветрия строгими заставами, поветрие объявилось в Москве, и вскоре в Кремле послышались рыдания и плач. Один за другим умерли малолетние сыновья Симеона Иван и Семён. Старшему было три года, второму — год. Осиротел великокняжеский терем. Где недавно звучали детский говор и смех, теперь царила тишина, прерываемая плачем великой княгини да чтением Псалтири у гробов навеки умолкших детей. Как напишет через 400 лет поэт Гаврила Державин:

Где стол был яств,
Там гроб стоит.

Не намного пережил детей и почерневший от горя отец. Болел великий князь недолго, и вот уже загудел на Кремлёвской звоннице похоронным звоном большой колокол, возвещая о его кончине.

Результатом этих смертей было не только то, что пресеклась мужская линия князя Симеона Ивановича, но и то, что младший брат его Иван Иванович по прозвищу Красный нежданно-негаданно возвысился до великого князя Московского, а сын его Дмитрий стал наследником великокняжеского престола.

Семейство переехало из Звенигорода в Москву, которая отныне стала родным городом для мальчика.

На четвёртом году жизни, иногда чуть позднее, княжеских сыновей начинали готовить к основному призванию — быть воином.

Князь на Руси должен быть прежде всего бойцом, этому уделялось самое пристальное внимание, ведь умение владеть конём, биться на мечах, стрелять из лука, метать копьё, в рукопашной схватке владеть ножом, а при случае и биться на кулаках было жизненно необходимо.

В три года княжича посадили на коня. Тогда же ему был дан в учителя кормиличич, так называли опытного дружинника, который должен был воспитать из князя воина.

Обучение было не только индивидуальным. После учёбы с кормиличичем княжич участвовал в учебных поединках. В Западной Европе для этой цели служили рыцарские турниры. Нечто подобное было и в средневековой Руси, только такие турниры именовались «игрушкой». На игрушках чаще всего бились не только учебным, но и боевым оружием. Бывали и смертельные случаи. В 1390 году на игрушке погиб кормиличич великого князя Василия Дмитриевича литовский князь Остей.

Вместе с княжичем учился ратному делу его двоюродный брат князь Владимир Андреевич. Он будет спутником Дмитрия Ивановича в военных походах, командиром Засадного полка на Куликовом поле, будет служить великому князю верой и правдой. И переживёт его на 21 год.

277420

Княжича учили не только оружейному и кулачному бою, но и грамоте. Правда, в летописях то ли с сожалением, то ли с укоризной сообщается, что книжной грамоте князь Дмитрий Иванович был не научен.

Слово летописцу: «Аще и книгам неучен беаше добре, но духовныя книги в сердце своем имяше». (Соловьёв, 297.)

Некоторые историки трактуют этот факт как показатель неграмотности великого князя. Историк В.А. Кучкин пишёт вполне определённо: «...который, увы, не умел ни читать, ни писать». (Кучкин, 73.)

Это недоразумение. Можно быть грамотным, но не владеть письменной речью. Много ли среди государственных деятелей писателей? Раз-два и обчёлся.

В самом деле, мы можем допустить, что великий князь диктует что-либо писцу. Но великий князь, не умеющий читать, — это немыслимо для того времени. Известно, что помимо обычной переписки в государстве существует переписка секретная. И что же, великий князь должен иметь рядом с собой особо доверенного человека, без которого шагу ступить не может? Это, конечно, невероятно. Кроме того, бывают также послания сугубо личные, конфиденциальные, о содержании которых не должен знать никто, кроме адресата. А как же князь напишет или прочтёт их, будучи неграмотным?

Раскопки в Новгороде, проводимые В.Л. Яниным, показывают высокую степень грамотности среди простых новгородских горожан (самые ранние находки датируются XI веком). И что же, Дмитрий Донской был менее грамотным, чем простой новгородский мальчишка?

Старший сын великого князя должен был владеть ещё второй «профессией» — быть правителем. Но этой профессии не научишь. Мудрым правителем, достойным сыном Родины и Церкви, заботливым и взыскательным отцом своим подданным, беспощадным и жестоким к врагам воющим и милосердным к врагам поверженным, научиться нельзя, таким правителем нужно родиться.

Дмитрий Иванович Донской, как мы знаем, родился таким правителем.

Если семья живёт доброй, благочестивой жизнью, если родители нелицемерно любят друг друга и детей, то добрые, полезные впечатления отзываются во взрослой жизни. В 1358 году на Русь приехал татарский посол Мамат-хожа для размежевания земель между Московским и Рязанским княжествами и послал об этом известие великому князю Ивану Ивановичу. Но великий князь не пустил татарского посла в своё княжество. В чём это выразилось, в письменном послании или в устном ответе, переданном через гонца, мы не знаем, но это был первый случай открытого, гласного неповиновения ханскому послу, а в его лице и самому хану. Великого князя Ивана Ивановича летописи характеризуют как тихого, кроткого. Видимо, летописцы не до конца распознали характер князя. Конечно, об этом происшествии шли разговоры в великокняжеском тереме, и мальчик Дмитрий запомнил поступок отца.

Дмитрию исполнилось девять лет, когда в его жизни произошло второе, самое важное событие, перевернувшее всю его жизнь.